

Люди Мира и Счастья

В первый день, когда советские люди стали подписываться под Стокгольмским Воззванием сторонников мира, в одной из квартир большого дома, что на проспекте Сталина в Ереване, раздался звонок. Дверь открыл мальчик, его глаза светились энергией. На пороге стоял неизвестный ему молодой человек, очевидно, студент с тетрадью и книгой в руках.

— Я агитатор, — сказал он, — в вашем доме впервые, никого еще не знаю. Тут живет Геворк Степанян?

— Здесь, — ответил мальчик, — по дедушка с бабушкой ушли к соседям, вы зайдите, посидите, — и вежливо пропустил его в комнату.

— Как твоё имя? — спросил агитатор.

Мальчик степенно ответил, что звать его Вилник, в честь погибшего на Хасане дяди, приехал он из Москвы погостить к дедушке и бабушке, что у него папы нет, осталась мама, с которой он живет в Москве. Учится ли он? Конечно, уже в четвертом классе.

— Где же папа? Умер?

— Знаете ли вы Липсаю? — спросил мальчик. — Когда мой папа поднимался в воздух, немецкие летчики исчезали, так они его боялись. Но они все-таки подстергали его над этим портом и напали: двенадцать на одного. Папа сбил двоих, но остальные подожгли его самолет сзади, по-воровски, и он, горящий, упал в море. Нет, мой папа не умер, — гордо закончил мальчик, — он погиб...

Тут взгляд агитатора скользнул по стене, он увидел большой портрет летчика.

— Так ты сынок Нельсона? — воскликнул он, — Геворк Степанян твой дедушка?

Мальчик вместо ответа принес из другой комнаты папку с газетными вырезками и книжками, в которых описывалась героическая жизнь прославленного летчика. И агитатор, разбирая газеты и книги, задно вписывал в свою тетрадь выдержки из этих материалов.

— Папа тоже, как и вы, как и я, хотел мира, — сказал мальчик. — Мне хочется продолжить дело, за которое боролся он.

Как увлекательно можно рассказать обо всем этом в следующей квартире простым людям, борющимся, как и все, за мир, — подумал агитатор.

В парке на высоком гранитном постаменте стоит бронзовый бюст того, кого многие города называют своим и ставят такие же памятники.

Он родился в Шуше, и карабахцы законно считают его земляком. Он работал на нефтеперегонном заводе в Баку и отсюда пошел в летную школу. Ну, разве он не бакинec?

В тяжелые годы блокады он защищал ленинградское небо, и благодарные ленинградцы поставили его бюст в Центральном Военно-морском музее. Но кто может сказать, что он не ереванец? Разве не здесь прожил он шестнадцать лет, не тут провел свои детство и юность?

В парке по-осеннему пустынно. Только

Памятник дважды Герою Советского Союза Нелли Степаняну. Работа заслуженного деятеля искусств А. Саркисяна, архитектурное оформление Г. Агабяна. Фото Немрута.

кто-то одиноко спит на скамье против памятника. Но в стужавшихся сумерках, — не разобрать кто. Скоро ноябрьский вечер прикроет все черной буркой. Ветер играет листьями деревьев.

Вот в тишину врывается звонкая песня. В парк входит группа школьников. Они идут быстрым шагом, торопясь, очевидно после занятий. С ними девушка с охапкой белых и розовых астр. Бережно кладет она цветы к подножью памятника на ступени.

— Он был очень смелым, — говорит один мальчик, — однажды он совершил над всей линией фронта под Ленинградом разведывательный полет на высоте всего пятнадцати метров. Его тогда прозвали буревиестником.

— Он очень любил свою семью, — слышится голос девушки, — как нежные письма он посылал жене, извинялся перед сыном, что в день его рождения не мог прислать подарка. «В твою честь, мой мальчик, писал он, я потопил сегодня транспорт противника. Вот тебе мой подарок».

— Я хочу быть таим, как он, — говорит второй мальчик.

— И я хочу быть таким, как он, — произносит третий, — но не обязательно летчиком. Разве быть агрономом — это менее почетно? Или строителем?

Когда школьники собирались уходить, со скамейки поднялась невысокая, худощавая, пожилая женщина. Черты ее лица напоминают того, кого армянский народ обессмертил бронзовым изображением. Увидев женщину, дети умолкают. Проходя же мимо, приветливо кланяются ей, а самый младший бегом возвращается к памятнику, выбирает большую астру и подает женщине. Она молча прижимает мальчика к себе и ласково кладет ему на голову руку.

И если бы такой увидел ее художник или ваятель, то несомненно кистью или резцом изобразил бы ее, как Родну-мать, благословляющей детей своих и желающей им только одного:

Мира и Счастья.